Советская молодежь
г. Рига
25 ИЮЛ 1971

ТВОЯ ДИСКОТЕКА

ПЕСНИ АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО

В прошлом году Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку «гигант» с четырнадцатью песнями Александра Николаевича Вертинского. Вскоре появилась гибкая пластинка — еще три песни стали известны современному слушателю, затем вышла в свет еще одна пластинка. Это песни разных лет, записанные в период с 1927 по 1957 годы.

Молодые слушатели проявили большой интерес к песням А. Н. Вертинского. Об этом свидетельствуют и большие тиражи пластинок, интенсивность их выпуска, и письма наших читателей, в которых они делятся впечатлениями о песнях и исполнительской манере артиста и просят рассказать о нем подробнее. Эту просьбу выполняет сегодня искусствовед Б. Тулинцев.

Вертинский принадлежит к тем редким мастерам эстрады, имена которых уже при жизни становятся легендарными. Он не был традиционен и не оставил учеников, ибо подражать ему невозможно. Вертинский пел и играл песни, сочиненные чаще всего на свои стихи и создал особый, неповторимо-интимный мир образов и настроений.

Для нас остался только голос актера, мы никогда не увидим его «поющих» рук, жестов, — повелительных или трагических, движений его пальцев, которые могли по словам В. И. Качалова, «перевоплощаться». Редкостная пластика и резкая, подчеркнутая, надменная артистичность, элегантность и лаконизм мастера, — все это осталось лишь в воспоминаниях его зрителей и стало историей...

Вертинский вернулся из эмиграции в 1943 году и перед советскими слушателями сороковых и пятидесятых годов предстал человеком из иной эпохи, иного мира. Он был как бы живым анахронизмом и не скрывал этого. И когда он пел о своей вновь обретенной Родине, об «избушке в три окна» и сказочной Аленушке, он глядел все еще издалека, из «чужих стран», он не мог освоить содержание новой жизни, и это придавало его нежности и его своеобразному, но искреннему патриотизму отпечаток особенный, неповторимый... Та Родина жила только в искусстве Вертинского. Новые песни звучали у Вертинского рядом со старыми, и воспоминания о «прощальном ужине» в приморском ресторане как бы соперничали с желанием артиста гореть «тихою лампадой» пред ликом Родины». Вернувшись домой, артист вновь мучился ностальгией в песне «Чужие города»...

Теперь он «пел и играл» всю прошедшую жизнь; он пришел в новый мир и к новому зрителю для того, чтобы, оставшись самим собой, ничуть себе не изменяя, рассказать о скитаниях и надеждах.

В начале пути, еще перед первой мировой войной, Вертинский выступал в костюме Пьеро, с набеленным лицом, пел песенки, которые быстро становились модными и в которых звучали ноты обреченности и тоски; он создал замкнутый, особый мир, где серым, унылым будням были противопоставлены экзотические страны, персонажи вроде «лиловых негров» в притонах Сан-Франциско. Он словно говорил всем своим слушателям: «Вы усните, а я вам спою...». И пел «о мертвых, немых кораблях», — о тех самых, кстати сказать, которые можно найти в стихах Бальмонта. Многие образы ранних песен Вертинского напоминают то Бальмонта, то Северянина, а сам он пел на стихи Анненского и Ахматовой; зачастую Вертинский берет поэтические штампы, банальности, создавая на этом материале свое неповторимое искусство. Очень точно сказал критик М. Иофьев о том, что у Вертинского банальное становится оригинальным. А писатель Юрий Олеша называл искусство артиста «фантастическим». У Вертинского действительно фантастическое сочетание действительности и мечты, искренности и позы, иронии и меланхолии.

Вертинский был на эстраде поэтом, лириком и, вместе с тем, зорко подмечал черты действительной жизни, прозаические подробности его песен были неожиданны и поэтому казались не менее странными, чем все остальное. Вертинский осознавал марионеточность, призрачность жизни многих своих персонажей и относился к ним со скептической иронией. Именно как иронию можно воспринять тождество эстрадного певца и маленькой балерины («Я — маленькая балерина»...). Однако в этой насмешке существует оттенок острой горечи по поводу собственной судьбы артиста. Вертинский умеет выхватить из жизни наиболее характерные штрихи и создать графически точный контур закулисной жизни. Это придает некоторым его песням сходство с графикой Тулуз-Лотрека, хотя без трагизма и социальной глубины, свойственным французскому художнику.

Поэзия Вертинского не существует без его музыки и голоса, она вся обращена в прошлое, от которого нельзя отмахнуться. Нас восхищает замечательное мастерство певца, богатство оттенков, актерская выразительность, которую можно уловить даже слушая его голос в старой записи на пластинке.

В конце жизни, в последних концертах искусство Вертинского раскрывается с новой силой. Оно ограниченно и концентрированно. Но это настоящее искусство, живое и трепетное, как бы иронизирующее над самим собой, над собственным анахронизмом. Эти песни элегантны и виртуозны, иногда — изысканны (например, «В синем и далеком океане»), но всегда демократичны. Интимность Вертинского обращена ко всем и каждому. Старый актер делится своей последней радостью — поет о том, что стало для него особенно дорого в последние годы жизни.